

ДВА ИМАНА ИЛИ ИСТРЕБЛЕНИЕ ДОМА АВАРСКОГО

(Историческое повѣствованіе о Кавказѣ).

V.

L'heure approche où je vais mourrir,
L'heure approche et la mort m'appelle.

Romanie de Mont-jourdain.

Въ Чечнѣ, деревни выдали русскихъ плѣнныхъ, представители аманатовъ заплатили подати и штрафы за участіе въ послѣднемъ мягежѣ, однимъ словомъ—покорились, слѣдственно, главному отряду тамъ дѣлать уже было нечего, онъ переступилъ въ сѣверный Дагестанъ. Депутаты богатыхъ Салатовцевъ (горныхъ дворянъ) встрѣчали Сардара съ покорностію: главное ихъ селеніе, надменный и богатый Чиркей, ключъ горной торговли и промышленности, выслалъ къ отряду своего кадія и старѣйшины съ явствами и садовыми плодами. Замѣчательнѣйшій изъ ихъ представителей по уму, хитрости, богатству своему и многочисленности семейства, стало быть, и силѣ, былъ Джемаль-Мирзинъ. Любопытно было видѣть важность и торжественные виды этихъ депутатовъ вольныхъ деревень, съ бородами выкрашенными оранжевою краскою. За всѣхъ говорилъ съ азіатскою напыщенностію, съ краснорѣчіемъ, наполненнымъ аллегорій—Джемаль Мирзинъ, человекъ лѣтъ за пятьдесятъ, высокій и толстый мужчина, принимавшій прежде и послѣ этого живое участіе въ дѣлахъ Сѣвернаго Дагестана. Онъ постоянно держался одной системы—сохранять въ то же время вліяніе свое на единоземцевъ и получать денежныя награды съ Русскихъ, которые не скоро постигли этого типа кавказскихъ племенъ, и долго принимали его притворство за чистосердіе. На всѣ требованія русскаго начальства, старѣйшины отвѣчали, что сами собою ничего не могутъ

рѣшить, а передадутъ волю русскаго правительства своимъ обществамъ. Послѣ чего они собирали народъ и получивъ полномочіе принять всѣ условія Русскихъ, возвратились къ Сардарю, были имъ обласканы и щедро награждены; однако это не убѣдило ихъ покинуть обыкновеннаго мужества. До самой смерти Имана, не зная, какой оборотъ примутъ воинскія дѣла, они старались разными ложными увѣреніями поддерживать благосклонность Русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали тайныя дружелюбныя сношенія съ мюридами, чтобы имѣть возможность сблизиться съ побѣдителемъ, кто бы онъ ни былъ. Впрочемъ такому двуличію служили нѣкоторымъ извиненіемъ самыя учрежденія ихъ обществъ, ибо среди этихъ горныхъ племянъ политическая неограниченная власть ни на комъ не сосредоточивается; племена: Салатовское, Гумбетовское, Койсубулинское и Андійское не имѣютъ надъ собою владѣтельныхъ князей, а управляются избираемыми кадіями; слѣдственно временные правители должны быть всегда готовы отдать отчетъ народу въ своихъ поступкахъ.

Кадій дѣлаетъ судъ и расправу въ своемъ селеніи, разбираетъ тяжбы, опредѣляетъ наказанія по шеріату (закону, извлеченному изъ корана.) Всѣ повинуются ему безусловно, покуда судъ его признаетъ правильнымъ и согласенъ съ господствующимъ духомъ общества: но при малѣйшемъ отступленіи, народъ собирается и большинствомъ голосовъ кадія отрѣшаютъ, отнявъ у него трость—признакъ власти, которую передаютъ другому съ общаго согласія. Требования же какъ сосѣдственныхъ племенъ, такъ и русскаго правительства, онъ не имѣетъ права исполнить безъ предварительнаго согласія народа, который онъ въ такихъ случаяхъ сзываетъ посредствомъ двухъ или трехъ, такъ называемыхъ казаковъ, людей нанятыхъ деревнею для разсылокъ по дѣламъ общественнымъ. Званіе кадія не наследственно: горцы до того привязаны къ своей свободѣ, что при выборѣ на это достоинство, они избѣгаютъ членовъ сильныхъ и многочисленныхъ семействъ, опасаясь облечь властію челоуѣка, у котораго послѣ затруднительно будетъ отнять ее. Кадій, однако, всегда ищетъ дружбы старшихъ членовъ уважаемыхъ семействъ, потому что ихъ вліяніе можетъ его поддержать. Случается, что онъ выбирается изъ сосѣдственной деревни и никто не отказывается отъ этого почетнаго званія. Въ послѣднее время Иманы старались ставить на эти мѣста своихъ приверженцевъ въ тѣ селенія, въ которыхъ имѣли стяжаніе, но ихъ усилія рѣдко вѣнчались успѣхомъ, а потому Иманы начали убѣжденіемъ и разными хитростями привлекать на свою сторону поставленныхъ обществами кадіевъ—это почти всегда имъ удавалось. Оно было очень важно для ускоренія мю-

ридства, потому что кадію, сверхъ временной власти, присвоено управленіе школою селенія, стало быть, онъ имѣть сильное вліяніе на умы юношества. Горецъ же, умѣющій читать и писать, всегда пользуется полнымъ довѣріемъ соотчичей, толкуя по своему коранъ, который читаетъ народу.

Неприкосновенность кадія священна, покуда онъ облеченъ властію. Газы-Мулла, поправъ ее въ минуту отчаянія, удалилъ отъ себя многихъ приверженцевъ. Когда горныя племена отлагались отъ него, убѣжденные силою русскаго оружія, онъ возвратился въ Гимры—послѣднее убѣжище утраченной власти; къ нему явилось много старѣйшинъ изъ дальнихъ горныхъ обществъ предложить помощь своихъ земляковъ, надѣясь на недоступность ихъ жилищъ. Между тѣмъ Гимрійскій кадій, Дагутуль-Магома, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ и не надѣясь отстоять свое селеніе, предложилъ народу, на сходѣ, покориться и выгнать Мюридовъ. Газы-Мулла, понявъ все отчаяніе такого мгновенія, обличаетъ кадія въ измѣнѣ, доказываетъ что онъ муртатъ, открываетъ коранъ, подводитъ смертный приговоръ за таковое преступленіе и велитъ снять голову Дагутуль-Магомѣ. Казнь немедленно выполняется тѣлохранителями Имана, набранными изъ русскихъ бѣглецовъ, съ убѣжденіемъ, что крайность и личныя выгоды вынудятъ ихъ оставаться ему неизмѣнно вѣрными. Они-то содержатъ караулъ Имана и служатъ палачами, исполняющими его приговоры. Ревностные мюриды и вообще гимрійцы, привыкшіе передъ властію Газы-Муллы, нашли его рѣшеніе справедливымъ; но гости старѣйшины безмолвно оставили мѣсто, сдѣлавшееся лобнымъ, и возвратились въ свои селенія съ твердымъ намѣреніемъ не подавать помощи самовластному извергу, поправшему власть, освященную вѣками посреди вольныхъ племенъ!

Покаместъ это происходило въ Гимрахъ, русское войско приблизилось къ селенію, преступая въ первый разъ за предѣлы Дагестанскихъ горъ. Каждый помышлялъ про себя объ опасности такого предпріятія, однако, довѣріе къ Алексѣю Александровичу Вельяминову, начальствовавшему надъ отрядомъ, успокоивало всѣ сомнѣнія. Всякую пядь земли, по которой спускались, надо было разрабатывать, прокладывая тропы въ самыхъ скалахъ, хотъ для горной артиллеріи, взрывая ихъ порохомъ. Наконецъ послѣ трудовъ, равняющихся съ усиліями войскъ Аннибала, которые прокладывали себѣ путь чрезъ Альпы, отрядъ достигъ, по извиистой дорогѣ, до ключа, лежавшаго на полдорогѣ отъ подошвы горы. Но что значать эти труды въ сравненіи съ тѣми, которые ожидали войска въ слѣдующіе годы, по мѣрѣ того, какъ они

проникали далѣе въ эту горную страну?—Отъ ключа спускъ становился сноснѣе, грунтъ земли удобнѣе, а дорога дѣлалась широка. У самой подошвы горы, между двумя исполинскими скалами, упирающимися въ подблачную страну, видѣлось узкое ущелье, ведущее къ Гимрамъ. Входъ въ ущелье былъ защищенъ высокою, толстою каменною стѣной, въ которой пестрѣло множество ружейныхъ бойницъ, за первую стѣной, въ нѣкоторомъ разстояніи находилась другая еще крѣпче съ башнями; далѣе, третья превосходила крѣпостію обороны двѣ передовыя; наконецъ лежали и Гимры—богатое селеніе, въ то время еще дѣвственное отъ русскихъ отрядовъ; за селеніемъ, по берегу аварскаго Койсу, стали роскошныя Гимрійскіе сады, славящіеся своими плодами.

Войско остановилось у ключа на ночлегъ; разставили цѣпь и секреты; назначили резервы въ случаѣ ночного нападенія; огонь нигдѣ не было, потому что въ этомъ горномъ краю дѣсовъ уже нѣтъ. Изнуренные солдаты и офицеры, изгрызли свои сухари, ложились отдыхать тамъ, гдѣ стояли, и скоро засыпали сномъ безпечныхъ кавказскихъ воиновъ; многіе отдыхали въ послѣдній разъ! Все предвѣщало страшное кровопролитіе: орлы слетались со всѣхъ сторонъ: чекалки, чуя близкую битву, сбѣгались стадами, нагло подходили къ цѣпнымъ часовымъ и оглашали воздухъ зловѣщимъ воемъ. Изрѣдка слышались въ цѣпи ружейные выстрѣлы для того только, чтобы удалить хищныхъ звѣрей; а сигналы и оклики часовыхъ свидѣтельствовали, что охранная стража бдительно стережетъ отдыхающихъ.

Гимрійцы, отправивъ семейства со всѣмъ имуществомъ за аварскій Кой-су, котораго бѣшенныя воды ручались за непроходимость, какъ скоро мостъ сломается—искали во снѣ и отдыхъ, новыхъ силъ для предстоящаго боя. Ужасный бой для Гимрійцевъ! Имъ должна была рѣшиться ихъ участь, онъ грозилъ ихъ собственности, наслѣдію дѣтей, основанію мюридства, стоившаго имъ уже столькихъ жертвъ и утратъ; онъ долженъ былъ лишить ихъ, быть можетъ, самобытности, независимости, столь драгоцѣнныхъ для горцевъ!

Всѣ спать, одинъ Газы-Мулла сидитъ передъ костромъ въ башнѣ ближайшей стѣны къ селенію; на колѣняхъ у него развернутъ Коранъ; онъ то благочестиво читаетъ въ немъ, то творить съ благоговѣніемъ молитву, перебирая свои четки¹⁾; ничего земнаго, суетнаго, гордаго

¹⁾ Перебирать четки есть общее обыкновеніе всѣхъ благочестивыхъ мусульманъ на Кавказѣ.

не тревожить его мыслей: онъ знаетъ, онъ убѣждается, что пережилъ свое счастье: онъ покинуть всѣми племенами: одни лишь Гимрійцы и горсть ревностныхъ мюридовъ еще борятся за введенный имъ расколь; но при первой удачѣ русскаго войска, и этотъ послѣдній останокъ его власти разсыпется въ прахъ, и послѣдніе вѣрные его послѣдователи покинуть своего Имана—таковъ уже характеръ горныхъ кавказскихъ племень! На счетъ жены и сокровищъ своихъ онъ спокоенъ—они въ Игалахъ, неприступномъ селеніи, далеко въ горахъ, у искренняго его друга и зятя по первой женѣ, Эракли-Магомы, эфендія балакинскаго, человѣка ученаго, благочестиваго и сильнаго. Иманъ устроилъ все земное и теперь предпочитаетъ смерть униженію неудачи. Онъ рѣшился умереть на Гимрійскихъ завалахъ и готовится къ этой торжественной минутѣ. Кара-Иса вошелъ къ нему и объявляетъ, что полуночные пѣтухи поютъ въ деревнѣ: Иманъ слушаетъ и убѣждается, что роковой день для него наступилъ; онъ одобряетъ вѣрнаго слугу, который не проспалъ нужнаго мгновенія, и посылаетъ за Гамзатъ-Искендеромъ и племянникомъ своимъ Шамилемъ.

Вскорѣ пришелъ къ нему стройный, смуглый горецъ, лѣтъ около сорока, величавой и благородной осанки; въ звѣрскомъ взглядѣ его изображалась кровожадная душа, которой злодѣйскія влеченія ничто не остановитъ; большіе черные глаза подъ нахмуренными густыми черными бровями, сверкали предприимчивостію и наглою храбростію—то былъ Гамзатъ. За нимъ вошелъ Шамиль, высокій и красивый мужчина, съ пріятнымъ лицомъ, обложеннымъ небольшою остроконечною бѣлокурою бородой: его наружность изобличала смиреніе, добродушіе, застѣнчивость и глубокій умъ. Оба были въ полномъ вооруженіи, съ бѣлыми чалмами, знаками мюридства, обернутыми вокругъ мѣха ихъ черкесскихъ шапокъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія. Газы-Мулла сказалъ имъ: „Мюриды! я васъ призвалъ, чтобы объявить Волю Аллаха—да будетъ она свята! Нынѣ послѣдній день жизни моей. Азраилъ¹⁾ посѣтилъ меня. Тебѣ, Гамзатъ, Аллахъ назначаетъ моимъ преемникомъ: нынѣшній же день ты примешь названіе Муршата. Имана. Когда тебя не станетъ, Шамиль тебѣ наслѣдуетъ. Вы оба изберете двухъ наслѣдниковъ Шамилю: по моему шеріату каждый Иманъ долженъ при жизни назначить себѣ отъ двухъ до трехъ преемниковъ, чтобы въ случаѣ смерти одного, другой его тотчасъ замѣнялъ. Послѣ ирты-назама, я объявляю эту волю Аллаха всѣмъ Мюридамъ. Теперь, Гамзатъ-Искендеръ Хусохскій, слушай, что я тебѣ завѣщаю: покинь

1) *Азраилъ*—ангелъ смерти.

области, смежныя съ Русскими, дѣйствуй на нихъ лишь убѣжденіями и письмами—тамъ борьба не равна; мирюды слишкомъ еще малочисленны и слабы, чтобы бороться съ сильнымъ врагомъ. Но обрати коззаветь на жителей внутреннихъ горныхъ областей, гдѣ неприступность вертеповъ оградить тебя отъ преслѣдованій гяуровъ. Обращай ихъ силою убѣжденія и меча къ таригату, шеріату и мюридству; обличай владѣтелей передъ народомъ въ отступничествѣ и развратѣ: отгрой передъ нимъ пьянство Сулиманъ Мирзы Суйнакского, Сурха-Хана, ченки Аварскаго и прочихъ: объяви народу, что всѣ правовѣрные равны передъ Аллахомъ, что десятину платить не слѣдуетъ никому: казни, истребляй, разорай вѣроотступниковъ, предоставляй ихъ имущества мюридамъ: твоимъ мудрымъ совѣтникомъ будетъ Шамиль: обрати всѣ усилія на Аваріюда, пусть будетъ истребленъ домъ Аварскихъ Хановъ! Они всѣ муршаты, сообщники гяуровъ! Когда ты это исполнишь и войдешь побѣдителемъ въ Хунзакъ, тогда ты примешь названіе *Имана Азама* (намѣстника Пророка). Но повторяю, покуда ты не покоришь своему ученію горныя общества и ими не усилишься, не помышляй о русскихъ областяхъ; кинь набѣги въ этѣ страны: ты долженъ выполнить мое завѣщаніе для собственнаго величія, для пользы нашего ученія, для славы Аллаха; поклянись мнѣ въ томъ на этомъ Коранѣ.“

Гамзатъ далъ клятву.

„Теперь иди. Гамзатъ!“ продолжалъ Газы-Мулла: „осмотри часовыхъ на завалахъ и узнай, не слышно ли чего въ русскомъ станѣ?“

Когда Иманъ остался наединѣ съ Шамилемъ, краткое молчаніе воцарилось между ими: потомъ Газы-Мулла, какъ будто собравъ свои мысли, началъ говорить голосомъ тихимъ, полнымъ грусти, обдумывая слова: „Сегодня я погибну... прощай, Шамиль... Гамзата ждуть завоеванія; тебѣ онъ оставитъ несравненно болѣе учениковъ, чѣмъ самъ получаетъ: мюридство сдѣлается тогда извѣстнѣе и уже пустить корни. Ты призванъ къ труднѣйшей обязанности: тебѣ предстоитъ управлять народами, учреждать новый порядокъ, хотя владычество двухъ Имановъ пріучитъ уже племена покоряться ихъ власти: но горцы своевольны и не легко обуздываемы, они гордятся своей свободой. Порабощеніемъ вѣрѣ ты долженъ пріучить ихъ къ безусловному повиновенію: суди и наказывай ихъ проступки по шеріату: ¹⁾

¹⁾ Коранъ заключаетъ въ себѣ Священное писаніе, законы церковные и общесвѣнные: эти послѣдніе мусульмане называютъ шеріатомъ. Въ магометанской религіи есть много толкованій этого шеріата; нынѣ самый уважаемый Дагестанцами шеріатъ истолкованъ и изданъ Газы-Муллою.

это единственные средства покорить ихъ твоей державѣ. Казни именемъ Корана и лишь тогда, когда поработишь ихъ вѣрѣ, начни покорять земной власти Имановъ, но для успѣха необходимо разжигать въ нихъ фанатизмъ и не давать охлаждаться религіозному чувству. Управляя многочисленными племенами, ты долженъ будешь въ то же время вести и коззаветъ съ Русскими, но это будетъ довольно легко: опытъ въ военныхъ дѣлахъ тебя научить; притомъ ты будешь имѣть возможность собирать полчища; удачи стануть утѣшать твои народы отъ неудачъ, неизбежныхъ въ войнѣ.—Самое затруднительное для тебя будетъ выборъ лицъ, посредствомъ которыхъ должно управлять племенами, содѣлавшимися слишкомъ уже многочисленными, чтобы ты могъ одинъ ими править. Выборъ этихъ Наибовъ чрезвычайно труденъ: личныя достоинства каждаго должны быть строго разсмотрѣны и оцѣнены. Съ одной стороны, ты долженъ безпрестанно остерегаться, чтобы кто нибудь изъ нихъ не похитилъ твоей власти и удаливъ тебя, не сдѣлался повелителемъ твоихъ послушниковъ: съ другой—тебѣ предстоитъ вѣчная борьба съ ними, чтобы отыскивать и покровительствовать способнымъ людямъ, которыхъ личная выгода Наибовъ будетъ истреблять, чернить передъ тобою, однимъ словомъ—затирать для того, чтобы ты, будучи недоволенъ своими правителями и не имѣя къ нимъ смѣнить, терпѣлъ ихъ изъ крайности на своихъ мѣстахъ. Наобы стануть служить тебѣ честно и съ пользою твоему дѣлу только въ такомъ случаѣ, когда ты будешь имѣть въ виду по нѣскольку человѣкъ, чтобы ихъ замѣнить; иначе не ожидай отъ нихъ ничего: они стануть служить не тебѣ, а соблюдать лишь твои собственные виды и при первомъ удобномъ случаѣ тебѣ измѣнять, при первой неудачѣ твоей обратятся противъ тебя—таковы всѣ люди, льстецы счастья, непримиримые враги въ бѣдствіи! Уклоняйся отъ мести—это гнусное чувство слабыхъ; въ сильныхъ же, оно есть доказательство низости душевной, и внушаетъ презрѣніе, ненависть въ современникахъ, а въ потомствѣ служитъ позоромъ. Могучій караетъ, казнить,—и всѣ благоговѣютъ передъ его приговорами; но казнь совершилась, и все кончено, все забыто, жертвы болѣе не преслѣдуй, иначе ты самъ ее возвышаешь во мнѣніи народномъ. Чѣмъ могучѣе гонитель, тѣмъ благороднѣе, тѣмъ священнѣе дѣлается его жертва передъ людьми. Но полное забвеніе послѣ кары содѣлываетъ сильнаго еще сильнѣе любовью и благоговѣніемъ къ нему повинующихся, онъ великъ и въ потомствѣ. Одни слабые, безпріютные ищутъ въ мести защиты отъ притѣсненій и оскорбленій себѣ подобныхъ—это единственное ихъ орудіе. Одинокій, простой чеченецъ—ревностный блюститель канлы, ищетъ жертву кровопролитія по отдаленнымъ тропамъ, въ дремучихъ

лъсахъ; но владѣтель Тарковской повелѣваетъ убить виновнаго и приговоръ его немедленно выполняется передъ благоговѣющимъ народомъ. Не будь злопамятенъ, мстителенъ,—и ты будешь любимъ, почитаемъ какъ сильный и могучій Иманъ, а потомство будетъ благоговѣть предъ именемъ твоимъ. Лесть—обманъ, правда—груба: твой льстецъ тебя презираетъ въ душѣ, но ищетъ въ тебѣ, стало быть, ты ему нуженъ: видъ лести вселяетъ въ толпѣ уваженіе къ окруженному льстецами. Правда тебя обвиняетъ, спорить съ тобою. Кто говоритъ правду, тотъ тебѣ преданъ, но не боится тебя, ты надъ нимъ не имѣешь власти, если же онъ станетъ говорить суровую правду и на сонмищахъ, это умалетъ къ тебѣ народное уваженіе: между тѣмъ правда необходима. Поощрай лестъ; но презирай льстецовъ, ни въ чемъ не довѣрайся имъ, но берегись и оскорблять. Мужей правды держи далеко отъ себя, приучай ихъ говорить истину не по собственному влеченію, но по твоему требованію, почитай ихъ и имѣй къ нимъ слѣпое довѣреніе, ибо они люди чести. Ласкай и привязывай къ себѣ любимыхъ твоими обществами, покуда они тебѣ преданы: но, коль скоро ты убѣдишься, что они не доброжелательствуютъ твоему дѣлу, свергай ихъ однимъ мгновеніемъ, внезапно,—и тогда удивленный народъ, безъ своего любимца, будетъ еще пуще благоговѣть передъ властію твоею. Суди го шеріату и судъ твой будетъ справедливъ. Да внушаетъ, хранить и крѣпить тебя Аллахъ! Помни мое завѣщаніе, будь вѣренъ и покоренъ Гамзату. Теперь, ступай Шамилъ, къ Ирты-намазу, собери народъ въ мечети, я же отдохну, чтобы предстать передъ нимъ бодрствующимъ и не имѣть разстроеннаго вида отъ бессонной ночи. Я объявлю народу, что сегодня умираю, что Гамзатъ мой преемникъ, а ты будешь его наследникомъ. Никто не долженъ видѣть во мнѣ ничего другаго, кромѣ непоколебимаго спокойствія: иначе скажутъ, что Иманъ страшится предстать передъ судомъ Аллаха—да будетъ свято Имя Его!—что Муршатъ боится правосудія Всевѣдущаго и Премудраго,—подобныя толки могутъ поколебать ихъ вѣру въ наше ученіе.“

Въ русскомъ лагерѣ, покуда войска отдыхали, начальники были заняты распросами у лазутчиковъ, прибывавшихъ съ извѣстіями отъ всюду изъ за Аварскаго Кой-су. Всѣ единогласно утверждали, что защитники Гимръ хотятъ драться до послѣдней крайности, что Газы-Мулла съ своими мюридами находится въ Гимрахъ и повѣлялъ на Коранъ живымъ не покидать завалы. Никто не показывался до этого времени, чтобы сохранить силы и порохъ для рѣшительнаго боя: горныя общества ожидали Гимрійскаго штурма, чтобы покориться побѣдителю. Когда распросы эти кончались, тогда призывали проводни-

ковъ, отъ которыхъ требовали самыхъ подробныхъ поясненій мѣстности и всѣхъ, незамѣтныхъ даже тропъ. Послѣ всего приступили къ распредѣленію порядка въ войскахъ для приступа.

Начало разсвѣтать. Густой туманъ покрывалъ весь лагерь, который оставался на прежнемъ мѣстѣ; русскіе солдаты вставали, умывались и обратясь къ востоку, творили благочестивую молитву; потомъ вытирали и осматривали ружья. Частныхъ начальниковъ призывали къ генералу Вельяминову; онъ отдалъ каждому изъ нихъ ясно и подробно приказаніе, что дѣлать и куда идти.

Съ разсвѣтомъ Газы-Мулла идетъ въ мечеть, гдѣ послѣ прты-намаза входитъ на амвонъ и въ краткой рѣчи объявляетъ о близкой своей кончинѣ, о назначеніи Гамзата его преемникомъ, которому долженъ будетъ наследовать Шамиль и требуетъ отъ народа общаго не отступать отъ шеріата. Короткая и сильная рѣчь Имана воспламеняетъ духъ слушателей. Они постигли всю торжественность предстоящаго дня и не страшатся его; вѣра въ Предопредѣленіе лишь поощряетъ въ нихъ мужество и разжигаетъ воинское рвеніе. Иманъ кончаетъ рѣчь словами: „Гамзатъ! веди своихъ въ передовой заваль; Шамиль съ неотлучными моими мюридами будетъ въ среднемъ при мнѣ; и вы, гимрійцы, защищайте третій!“ Потомъ назначаетъ кому съ кѣмъ идти на утесы, обрамляющіе ущелье; приказываетъ не терять выстрѣловъ и не жертвовать собою понапрасну; за каждымъ заваломъ повелѣваетъ мулламъ читать молитвы, а когда начнется битва, тогда, чтобы громкіе ихъ напѣвы стиховъ изъ Премудрой книги раздавались по заваламъ и напоминали защитникамъ о коззаветѣ, за который они сражаются, о вѣчномъ блаженствѣ, ожидающемъ храбрыхъ, объ адѣ и позорѣ грозящимъ трусамъ. Отданныя приказанія немедленно исполняются.

Русскіе воины стояли между тѣмъ въ рядахъ вольно и безопасно опершись на свои штыки; впереди батальоновъ собравшіеся въ кучки офицеры разговаривали между собой о предстоявшемъ сраженіи: иные, менѣе опытные, предполагали, что непріятель покинулъ дѣревню и завалы; старые офицеры оспаривали это мнѣніе, утверждая, что враги не показываются потому, что намѣрены защищаться отчаянно. Два молодые прапорщика—одинъ, пріятель адъютанта походнаго штаба, другой—другъ переводчика, рассказывали словоохотно вѣсти, пойманные ими на лету и старались убѣдить въ нихъ молодежь. Передъ этою группой, стояла немного далѣе другая—это были начальники

колоннъ, которые, пользуясь отсрочкой боя, совѣщались между собой о лучшемъ образѣ исполнить полученные ими повелѣнія.

Наконецъ туманъ упалъ и солнце ясное проглянуло. Русскія колонны двинулись, и обреченные на смерть весело пошли впередъ подъ боевую музыку. Непрiятель все не показывался за завалами, покуда батальоны не подошли близко: но тутъ залпъ вражескихъ ружей повергъ многихъ на землю—упали кавказскіе солдаты безъ стона, не измѣняя своего вида! За ружейнымъ залпомъ услышались священныя пѣсни муллъ и защитники Правовѣрія показали надъ стѣной свои головы, обернутыя бѣлыми чалмами. Батальоны пріостановились, отступили нѣсколько шаговъ. „Впередь!“—закричали повелительные голоса батальонныхъ командировъ и колонна пошла. „Ружье на перевѣсъ, ура!“—скомандовалъ опытный старый кавказецъ, колонный начальникъ, поймавшій то самое мгновеніе, когда войско готово лишь взять свой побѣдоносный полетъ, либо опять отступить—и тогда уже не скоро можно его двинуть впередъ: таковъ нравственный духъ этого тѣла, называемаго колонною. Барабаны всюду забили колонный маршъ и побѣдоносное войско, среди потоковъ крови, стало на первую стѣну. Все умолкло; лишь звуки шашекъ ударявшихся о штыки извѣщали о рукопашномъ истребленіи. Второй заваль защищался еще мужественнѣе: туда присоединился Гамзатъ съ уцѣлѣвшими защитниками перваго, но и тутъ русскіе штыки восторжествовали. Въ роковую минуту, когда первые гренадеры вскочили на заваль. Газы-Мулла вскричалъ: „Гамзатъ, Шамиль, спасайтесь! во имя Правовѣрія, для спасенія мюридства!“ Первый исполнилъ это невредимо, второй, отступая, получилъ три глубокія раны штыкомъ въ ногу: но судьба, которая имѣла свои виды въ грядущемъ, спасла его—онъ скрылся. Наконецъ третій заваль и самыя Гимры были заняты, когда вдругъ, неожиданно, бой отчаянный возобновился въ среднемъ завалѣ. Нѣсколько оставшихъ солдатъ, шныряя всюду въ надеждѣ на какую либо добычу, сунулись было въ башню; но тамъ сидѣли семь духовныхъ мужей и въ полголоса пѣли отходныя мусульманскія молитвы. Лишь только завидѣли враговъ, они кинулись на нихъ; магометане вытѣснили христіанъ изъ башни и въ самозабвенномъ бѣшенствѣ выбѣжали за ними; къ солдатамъ присоединились товарищи; послѣ упорнаго и неравнаго боя правовѣрные погибли, отдавъ дорого, очень дорого свою жизньъ.

Наконецъ непріятельскія дѣйствія прекратились; батальоны побѣдителей отдыхали въ прекрасныхъ Гимрійскихъ садахъ, убирали своихъ раненыхъ, хоронили убитыхъ. Старшины со всѣхъ концовъ нагорнаго Дагестана спѣшили поздравить съ побѣдою, только что прі-

ѣхавшаго въ Гимры Сардаря и принесли ему безусловную покорность своихъ обществъ. Лазутчики, разосланные по полумирной, полувраждебной странѣ, чтобы собрать свѣдѣнія объ Иманѣ и его скопищѣ, возвратились и единогласно рассказывали, что Гамзата и Шамиля раненаго видѣли съ небольшимъ числомъ мюридовъ, ѣхавшихъ по направленію къ Аваріи; объ Иманѣ никто ничего не зналъ, по занятіи Гимръ никто его не видѣлъ. Мирные туземцы, служившіе въ русскомъ отрядѣ и знавшіе Газы-Муллу, были посланы осмотрѣть мусульманскіе трупы. Вскорѣ нѣсколько человекъ возвратились къ Сардору съ торжествующими лицами и поздравили его со смертію Газы-Муллы, который лежалъ убитый съ шестью единовѣрцами посреди русскихъ труповъ у башни втораго завала. Покуда посылали изъ лагеря за тѣломъ Имана, эти мирные разослали гонцовъ въ горныя общества съ письмами слѣдующаго содержанія: „Любезные братья правовѣрные! Спѣшимъ извѣстить васъ, что Иманъ Газы-Мулла погибъ подъ Гимрами. Нѣтъ уже сомнѣнія, что его ученіе было истинное, ибо этотъ праведный мужъ не могъ проповѣдывать лжи и обмана; а что онъ дѣйствительно былъ святой, то доказываетъ его найденный трупъ: правою рукою, благословляетъ Бога¹⁾, а указательнымъ пальцемъ лѣвой руки указываетъ на небеса. Кайтесь, правовѣрные. и молитесь Аллаху! Живите по шеріату Газы-Муллы, ибо Аллахъ далъ въ смерти Имана знаменованіе, что онъ былъ истинный Муршатъ и великій праведникъ. Истина бо есть лучше лжи! а онъ былъ наставникъ истины!“ На оборотѣ были приложены внизу печати тѣхъ, которые посылали письма, какъ это всегда водится между мусульманскихъ племенъ.

Въ лагерѣ всѣ смотрѣли на исколотый штыками трупъ Газы-Муллы, котораго руки окостенѣли въ томъ положеніи, какое описывали горцы. Русскіе дивились фанатизму этого замѣчательнаго генія: при послѣднемъ издыханіи его тѣло повиновалось болѣе нравственной силѣ, чѣмъ физическимъ предсмертнымъ страданіямъ; онъ естественно не хватался руками за раны, виновныя въ его смерти, а положеніемъ рукъ своихъ свидѣтельствовалъ силу духа и вѣры своей. Старшины горныхъ обществъ съ благоговѣніемъ взирали на этотъ трупъ; тѣ, которые сомнѣвались еще въ истинѣ его ученія, слѣпо ему повѣрили. Возвратясь въ свои селенія, они рассказывали на сонмахъ имъ видѣнное, и старики-семьянины, приходя домой, требовали себѣ бѣлое полотно, которымъ обвязывали шапки въ видѣ чалмы; объявляли

¹⁾ Всею рукою провести отъ лица по бородѣ есть магометанскій благочестивый знакъ, который значитъ благословлять Бога.

женщинамъ. чтобы онѣ. подѣ опасеніемъ строгаго наказанія отнынѣ не осмѣливались показывать свои лица мужчинамъ, исключая отцовъ. мужей, братьевъ, дядей, а передъ другими закрывались бы чадрами (покрывалами): призывали своихъ сыновей, приказывали имъ надѣтъ тоже чалмы, жить цѣломудренно и воздержно; выкидывали табакъ и чеснокъ. ломали трубки и запрещали многоженство, которое было противно мюридству, по шеріату Газы-Муллы.

Въ то самое время. когда Русскіе радовались. что пресѣкли въ корнѣ самое враждебное для нихъ ученіе магометанства славнымъ Гимрійскимъ дѣломъ, и предавались обманчивымъ надеждамъ на будущее спокойствіе, тогда кровь Газы-Муллы укореняла въ горныхъ племенахъ введенный и развитый имъ расколъ.

Смотря на трудъ этого генія, сдѣлавшагося еще могучѣе послѣ смерти, чѣмъ при жизни, гордость свойственная человѣку находила по-неволѣ краснорѣчивые доводы опровергать истину: что въ природѣ смерть человѣка не важнѣ паденія осенняго листа, смерти эфемернаго насѣкомаго или былинки, унесенной потокомъ въ глубь морскую: ибо наша гордость, наше самолюбіе страдаютъ отъ убѣжденія, что вся наша суета, завоеванія, великія дѣянія, въ природѣ ничтожнѣ паденія дождя или созданія громовъ. Если углубиться въ этомъ помысленіи и разобрать его, то не глупо ли искать убѣжденія въ вымышленномъ величіи нашихъ тлѣнныхъ дѣлъ, когда мы имѣемъ въ себѣ болѣе, чѣмъ вся природа въ совокупности. зародышъ безсмертнаго духа—частицы самаго Бога-Создателя?

VI.

Jéhu, sur les hauts lieux enfin osant offrir
Un téméraire emens que Dieu ne peut souffrir.
N'a pour servir sa cause et venger ses injures.
Ni le coeur assez droit, ni les mains assez pures.

Racine.

Итакъ Газы-Муллы не стало. но смерть перваго Имана упрочила его ученіе! Однако Русскіе, заблужденные обманчивымъ спокойствіемъ въ горахъ и извѣстіемъ. что Гамзатъ и Шамиль находятся въ селеніи Хутохъ. одни безъ мюридовъ, вообразили, что Кавказъ усмирень, и войска направились къ своимъ штабъ-квартирамъ. Это спокойствіе продолжалось мѣсяца четыре, покуда природные кавказцы отдыхали отъ минувшихъ кровопролитій, отъ утратъ. причиненныхъ боями, и занимались обезпеченіемъ своей будущности. Между тѣмъ мюриды

стекались мало по малу въ Хутоуъ, Аварскую деревню, гдѣ родился Гамзатъ и которою онъ долженъ былъ владѣть по праву, предоставленному ему завѣщаніемъ Газы-Муллы.

Отецъ новаго Имана былъ владѣтельнымъ бекомъ этой деревни, но въ пылу молодости полюбилъ простую поселянку, отдалъ себя въ полную ея власть и въ послѣдствіи времени женился на ней. Отъ этого брака родился Гамзатъ, который по обычаямъ горцевъ не могъ быть бекомъ, а былъ *Ченка*, слѣдовательно не имѣлъ наследственныхъ правъ своего отца. Само собою разумѣется, что владѣтельный домъ Аварскій стремился поддерживать ленныя обыкновенія своей страны, а потому желалъ бы изгнать Гамзата изъ родимаго селенія, но силою убѣжденія достигнуть цѣли было невозможно, потому что вся деревня наполнена была старыми слугами его отца; притомъ Гамзатъ умѣлъ заслужить общую любовь, посредствомъ родственниковъ матери своей, пользовавшейся большимъ уваженіемъ по уму, и наконецъ тутъ находились товарищи его юношества—его сподвижники въ славномъ набѣгѣ на Кахетію; а пуще всего селеніе было заражено духовнымъ ученіемъ Газы-Муллы. Народъ сравнивалъ строгую жизнь Гамзата съ распутною, безбожною жизнію—прочихъ Дагестанскихъ владѣтелей,—и это увлекало его на сторону ченки. Стало быть Аварскіе властелины не могли удалить изъ Хутона новаго Имана изгнаніемъ: они хорошо знали, что ихъ приказанія будутъ тщетны. Прибѣгнуть къ оружію тоже казалось опасно: во первыхъ ченка не подавалъ къ этому причинъ; во вторыхъ, нельзя было ручаться за успѣхъ: самое мѣстоположеніе селенія благопріятствовало оборонѣ; а жители, вѣроятно, взяли бы сторону своего любимца; притомъ мюриды при первомъ извѣстіи объ опасности грозящей Гамзату, стеклись бы со всѣхъ сторонъ къ нему на помощь. Всѣ ожидали, чтобы обстоятельства положили развязку этому стеченію противоположныхъ видовъ и стремленій. Система выжидательная, всегда внушенная робостью, не долго продолжалась; но не владѣтели Аварскіе положили ей конецъ. Они проводили дни свои въ Хунзакѣ среди нѣги, роскоши и лѣни и тѣмъ заглушали совѣсть, если она была у нихъ, что поставили себя въ столь сомнительное положеніе относительно къ подвластному; но гордость, упрямство и злоба не допускали ихъ исправить свои ошибки и смириться передъ обстоятельствами. Между тѣмъ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Хунзака, въ деревнѣ Хутоухъ, Гамзатъ день и ночь искалъ въ молитвѣ, постѣ и смреніи убѣжденія и силы, чтобы привлечь къ себѣ народъ. Успѣхи его были быстры. Едва опомнились горныя племена отъ ряда пораженій, встрѣченныхъ ими въ прошлагодней

экспедицій, какъ они стали собираться толпами къ Гамзату, котораго набожность и благочестіе молва всюду разносила. Наконецъ наступилъ день для Гамзата, когда онъ могъ снять личину, имъ дотоле носимую. Врагъ всѣхъ обычаевъ и постановленій, провозглашавшихъ его ченкою и отнимавшихъ у него всѣ преимущества отца, онъ ненавидѣлъ также домъ Аварскій, который поддерживалъ эти ленныя учрежденія и старался тайными происками, разглашеніями, толкованіями уронить его во мнѣніи народномъ. Гамзатъ презиралъ семейство Аварскихъ хановъ, у которыхъ не доставало духа, думалъ онъ, дѣйствовать явно и которые, подобно ворами, вели тихомолкомъ, украдкою заговоры противъ него.

Изъ Дагестана и *Тивліи* (горной страны) народъ стекался къ мечети Хутовской деревни. Гамзатъ является къ *азанъ*-намазу (полуденная молитва). Удѣлѣвшіе мюриды, защитники Гимръ, обнародываютъ завѣщаніе покойнаго учителя и провозглашаютъ Гамзата Иманомъ, наследникомъ Газы-Муллы; народъ вторитъ имъ и пріемлетъ надъ собою властелина. Послѣ этого ченка идетъ на плоскую крышу мечети и, полный благоговѣнія, творитъ молитву; правовѣрные набожно слѣдуютъ его примѣру. Молитва кончена, и Гамзатъ, обратясь къ народу, обличаетъ передъ нимъ владѣтелей Аварскихъ, Тарковскихъ и Казыкумыкскихъ въ порокахъ, развратѣ, богоотступничествѣ; обвиняетъ ихъ въ несправедливомъ сборѣ десятинъ¹⁾ и неправильномъ присвоеніи земель и всѣхъ угодій; говорить, что все принадлежитъ одному Аллаху, ниспосылающему и богатяя жатвы, и урожай, и голодъ, и засухи, что лишь тотъ, кто силенъ даровать или лишать, есть истинный владыка всего; люди же всѣ одинаково рождаются и умираютъ, слѣдовательно всѣ равны передъ Аллахомъ, даровавшимъ книгу премудрости, гдѣ написаны всѣ законы духовные и житейскіе: въ нейто должны правовѣрные почерпнуть свои правила, ею управляться и ей безъ изъятія повиноваться; потомъ доказываетъ что Дагестанцы вѣроотступники, потому что они допускаютъ Сюнну²⁾, которая, льстя страстямъ и склонностямъ народа, потворствуетъ порокамъ ихъ владѣтелей, расточающихъ труды подвластныхъ въ распутствѣ. Въ заключеніе всего Гамзатъ объявляетъ что не на гяуровъ поведетъ онъ козавветъ, но на муртатовъ-мусульманъ. Разумѣется, эта рѣчь воспламенила всѣхъ слушателей и скоро разнеслась по горамъ. Дагестанскіе владѣтели затрепетали, а Русскіе узнали тогда только, что борьба еще не кончена.

1) Десятинный сборъ повсюду существуетъ у кавказскихъ магометанъ.

2) *Сюнна*, истолкованіе Корана, считаемое изувѣрамъ ложнымъ.

Сардаръ требовалъ немедленно отъ владѣтельнаго князя Аваріи и его опекуниши, родной матери, выдачи подвластнаго имъ мятежника. Они тщетно увѣряли, что не могутъ исполнить этого, ибо Гамзатъ совершенно вышелъ изъ ихъ повиновенія; но Сардаръ не внималъ никакимъ отговоркамъ, и лишь поддѣрпывалъ свои требованія угрозами. Опекуниша рѣшилась посредствомъ убійства избавиться ченки, грознаго уже по себѣ, но еще опаснѣйшаго по негодованію Сардаря, которое онъ на нее навлекалъ.

Семь человекъ хунзакскихъ жителей отправлены ею въ Хутонъ къ Аварцу, именемъ Казаневу, тайному приверженцу владѣтельнаго дома; они объявляютъ, что присланы Ханшею убить Имана. Сакля (домъ) Казанева находилась на улицѣ, ведущей отъ Гамзатова дома къ мечети. Заговорщики согласились выстрѣлить въ Имана изъ окна въ то время, когда онъ пойдетъ молиться. Настала Джюон-га; Гамзатъ отправился въ мечеть, сопровождаемый толпою правовѣрныхъ, окруженный своими мюридами, рядомъ съ нимъ несли Коранъ. Въ то время въ домъ Казанева, убійцы осмотрѣли ружья, насыпали на полки свѣжаго пороху и приготовились совершить преступленіе... Но они были кавказцы! Когда нѣтъ серьезныхъ дѣлъ, всякій вздоръ становится важнымъ вопросомъ: между ними возникъ споръ, кому первому стать къ окну и стрѣлять? Каждый требовалъ этого права себѣ, а когда люди заспорятъ; извѣстно, что всякій правъ—права каждого самыя сильныя! Между тѣмъ Гамзатъ, прошедъ невредимо роковую черту, останавливается, говорить, что въ этомъ домѣ сидятъ восемь убійцъ, которые рѣшились его умертвить и требуютъ, чтобы ихъ вывели. Народъ тотчасъ хлынулъ въ саклю и застаётъ заговорщиковъ съ обнаженными кинжалами: каждый доказывалъ, что ему одному слѣдуетъ право застрѣлить Имана. Ихъ вывели на судъ къ Гамзату; отпереться было невозможно; они громко кляли судьбу, которая не допустила ихъ совершить кровавое предпріятіе.

Иманъ открываетъ Коранъ и читаетъ стихъ, который перетолковываетъ, что Казаревъ долженъ быть преданъ смертной казни. Едва произнесъ, онъ приговоръ какъ двое мюридовъ схватываютъ присужденнаго за руки, а третій пистолетомъ въ упоръ прострѣливаетъ ему сердце, потомъ перерубаетъ кинжаломъ поясицу¹⁾. Остальнымъ семи Аварцамъ, тоже по истолкованію Корана, прорѣзываютъ ноздри и

¹⁾ Обыкновеніе Дагестанцевъ перерубать поясицу казненнымъ, вѣроятно, происходитъ отъ необходимости въ горной части этого края, не имѣющемъ другихъ дорогъ кромѣ узкихъ тропъ, навьючивать трупъ на сѣдло, чтобы отвезти домой или къ родственникамъ.

заключаютъ въ тюрьму. Паху-Беке, Аварская Ханша и опекунша владѣтельнаго Хана, узнавъ объ этомъ, отправляется съ вѣрными Нукерами (тѣлохранителями) къ Хутому; не вѣзжая въ деревню вызываетъ Гамзата, выговариваетъ ему казни, которыя онъ чинить въ Аваріи, требуетъ арестованныхъ своихъ подвластныхъ, и получивъ ихъ, возвращается въ Хунзагъ.

Послѣ этой казни, власть Имана проявилась, народъ доказалъ свою готовность принять его иго; одинъ только мюридъ Эракли-Магома, Эфенди Балаканскій, дерзнулъ оспаривать Гамзатовы права и увлекъ за собою деревни Балакахъ, Цатанину, Моксохъ и многолюдный, сильный Унцукулъ. Эти деревни не признавали власти Гамзата и отказали ему въ своей помощи. Какія были намѣренія Эракли-Магомы— неизвѣстно; но, если онъ не успѣлъ потрясти совершенно владычества Имана, то сильно его ослабилъ, давъ поводъ столькимъ деревнямъ отказать ему въ воинскомъ соучастіи. Что же до Гамзата, то онъ выказалъ свою недалновидность, презрѣвъ расположеніемъ Эракли; онъ долженъ былъ пли подавить его, или привлечь на свою сторону, но новый Иманъ не заботился ни о томъ, ни о другомъ. Въ такомъ положеніи находились Дагестанскія дѣла при наступленіи 1834 года.

Имѣя цѣлью приковать къ себѣ и увлечь горцевъ военною славою и побѣдами, столь гибельными всегда для челоѣчества, Гамзатъ водрузилъ знамя на крышѣ своей сакли и объявилъ новый козавветъ. На этотъ призывъ къ брани толпы народа изъ всѣхъ горныхъ странъ стекались къ Иману. Цѣлыя полчища ринулись въ самое сердце горъ, направляясь къ Андалальцамъ; но эти кавказскіе великаны, изящнѣйшая порода людей на земномъ шарѣ, укрѣпясь въ неприступныхъ скалахъ, отражаютъ хищныя толпы. Гамзатъ отступаетъ съ потерею и налетаетъ на Акушу, но и тутъ встрѣчаетъ ту же участь. Въ изступленіи онъ идетъ на Цудакаринцевъ, гдѣ первыя воинскія покушенія Имана вѣнчаются совершеннымъ пораженіемъ и вынуждаютъ его вернуться въ свою деревню. Между тѣмъ вражда Эракли-Магомы не дремала: онъ разсылалъ повсюду гонцовъ съ письмами, наущающими побѣдителей дѣйствовать единодушно и достигъ наконецъ до того, что вольныя общества Андалальцевъ, Акатинцевъ и Цудакаринцевъ объявили вергое ¹⁾ Гамзату.

Иманъ, по возвращеніи своемъ въ Хутохъ, распускаетъ полчища, а деревню укрѣпляетъ, и предается опять молитвѣ. Мгновенная тишина

¹⁾ *Вергое*, непримиримая брань.

воцаряется вновь въ горахъ и Дагестанскіе властелины засыпаютъ въ настоящемъ, не помышляя вовсе о будущемъ.

Гамзатъ, давъ время первымъ слухамъ о его неудачахъ остыть въ горахъ и пользуясь весною, открывшею свободное сообщеніе повсюду, сталъ сзывать своихъ послѣдователей на новыя военныя дѣла. Роковое знамя развѣвалось опять по произволу весеняго, животворнаго вѣтра, будто играя этимъ знакомъ сильныхъ страстей, ненасытной вражды и непомѣрнаго властолюбія. Собранныя скопища идутъ на Акушу и ханство Мехтулинское. Кадій Акушинскій и Ахметъ Ханъ Мехтулинскій, люди воинственные, постигаютъ, что борьбой съ Гамзатомъ, они защищаютъ свои права, свою собственность и самую жизнь, приглашаютъ на общее дѣло Абу Мусейлимъ Хана. Шахмала Тарковскаго, Валія Дагестанскаго владѣтеля Буйнакесскаго, и встрѣчаютъ враговъ у селенія Ханства Мехтулинскаго, но всѣ ихъ усилія остаются тщетны: Иманъ разбиваетъ ихъ на голову и мюридство воскресаетъ въ горахъ. Слухъ о побѣдѣ Гамзата быстро разносится и, какъ водится среди жителей Кавказа, съ псимвѣрными преувеличеніями. Ожиданіе напрягаетъ всѣ умы; еще побѣда—и всѣ горныя общества принесутъ Иману покорную выю. Гамзатъ постигаетъ свое положеніе и ведетъ опять свои полчища на небольшое Цудохоринское общество; но побѣдитель трехъ надменныхъ Дагестанскихъ властелиновъ встрѣчаетъ сильное сопротивленіе въ горсти вольныхъ людей. Цудохоринцы съ остервенѣніемъ отстаиваютъ каждую свою скалу неприступныхъ тѣснинъ кавказскаго становаго кряжа. Сначала Иманъ остановленъ; но онъ въ изступленіи гонитъ толпы свои на проломъ и разбитый, осрамленный, бѣглецомъ является въ свое селеніе, гдѣ и скрываетъ свой позоръ. Туда же ежедневно стекаются за нимъ остатки разбитыхъ его полчищъ. Эракли между тѣмъ не теряетъ времени: онъ разсылаетъ всюду извѣстія о разбитіи Гамзата, доказываетъ, что это лишь справедливая кара Великаго Аллаха, которая тяготѣетъ на Иманѣ за то, что онъ возгордился первою побѣдой и не хотѣлъ отнестись ея могучей десницѣ Премудраго; провозглашаетъ его недостойнымъ званія Имана и хочетъ, чтобы Шамиль былъ немедленно призванъ въ это званіе, какъ родственникъ и любимый ученикъ Газы-Муллы.

Гамзатъ не заблуждается на счетъ своего невыгоднаго положенія; онъ понимаетъ, что неудачи войны лишили его довѣрія горныхъ племенъ, а вражда Эракли-Магомы порождаетъ опасное негодованіе. Зная нравы, легкомысліе, кичливость и сусвѣріе Дагестанцевъ, ему остается или отказаться совсѣмъ отъ надежды на власть, или поправить недобро-

желательство, обезоружить его до новых побѣд—и это безъ отлагательства. Вздумано и рѣшено.

Была Джюнга. Иманъ впервые послѣ пораженія своего является передъ народомъ и собравшимися остатками разсѣянныхъ полчищъ. Толпы встрѣчаютъ его съ глухимъ ропотомъ; на всѣхъ лицахъ изображается строгость и негодованіе, но Гамзатъ не обращаетъ на это вниманіе; онъ идетъ въ мечеть съ видомъ глубокаго благочестія. Молитва кончилась. Иманъ раскрываетъ коранъ и прочитываетъ стихъ, потомъ умолкаетъ и погружается въ глубокое размышленіе. Наконецъ обводитъ болѣзненный взглядъ кругомъ себя и, полный смиренія, перетолковываетъ прочтенный стихъ такъ: „Правовѣрные! Аллахъ въ премудрости своей—да будетъ Имя Его свято!—допустилъ величайшаго Пророка власть въ искушеніе, и онъ возгордился; ибо шайтанъ (сатана) бодрствуетъ всегда, особливо сторожить праведнаго; грѣшникъ же самъ служитъ злему духу!—Такъ искусился и я: Аллахъ даровалъ мнѣ побѣду надъ муртатами и я возгордился, призналъ себя за великаго и мудраго человѣка. Великъ и мудръ лишь единый Аллахъ! Да будетъ прославлено Имя Его! чтобы наказать меня за такой помысль, Премудрый ниспослалъ мнѣ пораженіе. Я преступникъ передъ Аллахомъ, и да шеріатъ Премудрой книги приговоритъ меня къ заслуженному наказанію!“

Сказавъ это, Иманъ опять помолился и раскрывъ коранъ, прочелъ еще стихъ, который растолковалъ, что онъ, Гамзатъ, долженъ быть наказанъ 101 ударомъ палокъ и заключенъ на 25 дней. При возраженіи одного изъ его приверженцовъ, что онъ принимаетъ на себя это наказаніе, Иманъ вознегодовалъ и сказалъ, что люди передъ Аллахомъ всѣ равны въ своихъ преступленіяхъ, Ханы столько же ничтожны передъ Всемогущимъ, сколько и простолюдины, что лишь благочестіе и святость отличаютъ смертныхъ передъ Нимъ. Послѣ этого Гамзатъ заставилъ себя наказать палками, считая самъ удары и потомъ спустился на 25 дней въ заточеніе¹⁾.

Покуда хитрый и коварный Гамзатъ сидитъ заключенный, займемъ Аварскимъ владѣтельнымъ домомъ.

¹⁾ Въ Дагестанѣ и во всѣхъ вольныхъ обществахъ, тюрьму замѣняетъ яма въ видѣ колодца съ отвѣсными стѣнами, около 2-хъ сажень глубины и 2-хъ сажень ширины и длины. Ее запираютъ широкою и толстою каменною плитою, пищу же спускаютъ заточенному лишь самую необходимую для поддержанія жизни.

VII.

S'il a cru les conseils d'une aveugle puissance,
 Il est assez puni par son sort rigoureux,
 Et c'est être innocent que d'être malheureux.

Masque de fer.

На Кавказѣ не только происхожденіе знатнѣйшихъ фамилій, но и самыхъ народовъ и племенъ покрыты глубокою тьмою, что представляетъ дивное поприще для ученыхъ споровъ. Предоставивъ розыскателямъ старины корпѣть надъ происхожденіемъ Аварскаго народа и его владѣтельнаго дома, мы возьмемъ этотъ народъ въ настоящемъ его видѣ и скажемъ, что онъ обитаетъ тѣснины Кавказскаго становаго хребта, къ Каспійскому морю, исповѣдуетъ магометанскую вѣру, придерживаясь шітскаго раскола, говоритъ нарѣчіемъ лезгинскимъ, котораго звуки не сходны ни съ однимъ существующимъ языкомъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, ни даже на Кавказѣ. Аварцы имѣютъ бековъ или второстепенныхъ князей, но управляются владѣтельнымъ княземъ на подобіе ленной системы, разукрашенной всѣмъ азіатскимъ самовластіемъ, и платятъ ему десятину со всѣхъ произведеній. Живутъ они въ сакляхъ, выстроенныхъ изъ дикаго камня, съ плоскими крышами. Хлѣбопашество Аварцевъ являетъ истинно гигантскіе труды: издали вы видите самыя высокія горы, представляющія отъ подошвы до вершины рядъ ступеней, образованныхъ изъ высокихъ каменныхъ стѣнъ, набитыхъ землею. Вблизи вы видите, что это сложные уступы, на которыхъ засѣвается хлѣбъ или разводятся сады; тропы ихъ проведены надъ ужасными безднами. Все вмѣстѣ не служитъ ли доказательствомъ, что эти горцы далеко не такъ дики, какъ мы ихъ воображаемъ? Тропы въ Аваріи ни что иное какъ воздушныя галереи изъ плитняка, настланнаго на жерди, поддерживаемыя кольями, вбитыми въ отвѣсную скалу, и это на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, промежъ плитняка сквозитъ бездонная пропасть.

Аварцы, народъ предприимчивый и воинственный, какъ всѣ вообще горцы; но они невелики ростомъ и вовсе некрасивой породы. Этотъ народъ и всѣ Дагестанцы вообще прежде гордились тѣмъ, что никогда не подымали рукъ на своихъ Хановъ; они почитали верхомъ гнусности и безчестія запятнать себя кровью властелиновъ—высокое чувство, вѣроятно, непонятное инымъ народамъ, называющимся *просвѣщенными!*

Главное мѣсто Аваріи—Хунзакъ, котораго населеніе довольно многолюдно; тутъ находится Ханскій дворъ, обнесенный съ трехъ

сторонъ крѣпкою стѣной; четвертая образуется высокою отвѣсною скалою—Тарпейская скала Аваріи—которой подошву омываетъ Аварскій Кой-су, болѣе похожій на бѣшеный многоводный потокъ, чѣмъ на рѣку. Нынѣ Ханскій дворъ обращенъ въ русскую цитадель, а строенія его въ казармы и лазаретъ гарнизона.

Когда и кѣмъ заложенъ Хунзакъ—не знаю и не стану надъ этимъ умствовать; только русскій отрядъ въ первый разъ проникъ туда въ 1834 году, а въ 1837 это мѣсто было занято гарнизономъ.

Происхожденіе Аварскаго владѣтельнаго дома покрыто также неизвѣстностію; достовѣрно только то, что въ 1801 году, по смерти Грузинскаго Царя Георгія XIII, когда русскія войска вступили въ Грузію, Омаръ, Ханъ Аварскій съ толпой изъ 18.000 человекъ, перевалилъ чрезъ становой хребетъ Кавказа и на южномъ его скатѣ раззорилъ и грабилъ предѣльную Кахетію, богатѣйшую изъ трехъ провинцій, составляющихъ собственно Грузію, т. е. часть древней Иверіи. Но русское войско, подоспѣвшее на помощь Кахетинцамъ, сразилось съ Аварцами при рѣкѣ Іорѣ, разбило ихъ и принудило оставить Кахетію. По вступленіи нашихъ отрядовъ въ Грузію, первымъ Ханомъ Аварскимъ былъ Умаханъ; сынъ Омара, также гроза Кахетіи, которую онъ не разъ опустошалъ. Отъ Омара начинается для насъ извѣстность владѣтельнаго дома Аваріи, который приобрѣлъ безсмертіе славными подвигами, воинскими дѣлами нѣкоторыхъ изъ членовъ своихъ, и заслуживаетъ особенное вниманіе по кровавому крещенію бѣдствій его постигшихъ.

Умаханъ былъ женатъ на Кистеманѣ, княжнѣ Казыкумыкской. По обычаямъ горцевъ, ближайшій наследникъ, если холостъ, женится на вдовѣ умершаго владѣтеля. По смерти Умахана, Кистемана досталась Гебеку, брату покойнаго Хана. Онъ желалъ ее всею силою Азіатской страсти; но былъ ненавистенъ ей: а пуще всего она опасалась за дочь свою и Умахана, которая должна была лишиться надежды на Аварское ханство, если Гебекъ, женившись на Кистеманѣ, имѣлъ бы сына. Внушенная чувствомъ ненависти, а еще болѣе материнскою любовью къ Паху-Бекѣ, Кистемана откладывала бракъ подъ разными предлогами, между тѣмъ темными происками искала случая избавиться Гебека посредствомъ убійства. Наконецъ ея желаніе сбылось: во мракѣ тайны, онъ палъ жертвою княжна холопа¹⁾ цокойнаго Умахана. Кистемана осталась правительницею Аваріи за мало-

¹⁾ У Аварцевъ и вообще на Кавказѣ холонами называются плѣнные и ихъ потомство.

лѣтствомъ дочери своей, Ханши Паху-Беке. Она была еще молода и прекрасна собою, и высокимъ необыкновеннымъ умомъ своимъ постигла, что она не въ состояніи будетъ управиться съ буйными Аварцами, привыкшими къ могучей волѣ цѣлаго ряда героевъ, своихъ Хановъ. Юность, красота, мужество и предприимчивость Султанъ-Ахметъ-Хана, съ которымъ Амалать Бекъ насъ уже познакомилъ, обратили на себя вниманіе Кистеманы.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ былъ родной племянникъ Умахана, по брату, и не имѣлъ никакихъ правъ на Аварское ханство; къ тому-жъ онъ былъ слишкомъ гордъ и чувствовалъ всѣ достоинства, которыми надѣлила его природа, чтобы искать темными происками и каверзами присвоить себѣ право на владѣтельный санъ.

Послѣ Умахана остался другой племянникъ, по имени Сурхай, имѣвшій еще менѣе правъ на Ханское достоинство, потому что отецъ его хотя и былъ Аварскимъ княземъ, но мать была взята въ простомъ семействѣ, стало быть, какъ ченка, онъ лишился всѣхъ преимуществъ отцовскихъ.

Но неограниченное честолюбіе Сурхая опиралось на правило, что всѣ мѣры прекрасны когда приводятъ къ желаемой цѣли; къ тому-жъ хитрый и коварный этотъ человекъ, котораго односторонній умъ былъ способенъ изобрѣсть лишь гнусныя и преступныя козни, ненавидѣлъ въ душѣ общественный порядокъ своего отечества, при-суждающій его къ униженному положенію ченки. Питая вражду ко всѣмъ учрежденіямъ своей земли, онъ кипѣлъ местию, но местию гнусной, темной, постыдной, местию кота, который за трудъ, что поймалъ мышенка, хочетъ имъ позабавиться и, принимая на себя видъ, играетъ съ нимъ и холить его, а самъ незамѣтно запускаетъ въ него когти до тѣхъ поръ, пока природное стремленіе, врожденная склонность возьметъ свое и котъ богатырски смеетъ въ своихъ челюстяхъ черепъ несчастнаго мышенка. Зрители тогда ласкаютъ и хвалятъ кота за великодушіе, а потомъ за силу—жалкіе зрители! Они не постигаютъ, что могущество кота заключается въ слабости мышенка, а котъ остается все-таки котъ, гнусное и вредное животное, гордое и кровожадное съ слабѣйшими, ласковое и низкое съ сильнѣйшими. Но возвратимся къ своему предмету.

Таковъ былъ Сурхай, его умъ не простирался далѣе; зато мать его Шахъ-Беке была столько же умна, сколько зла; злоба ея еще усиливалась при настоящихъ обстоятельствахъ отъ униженія сына. Желаніе вывести его изъ этого положенія внушило ей мысль женить

Сурхая на правительницѣ; это представляло ему самое легкое средство достигнуть власти, къ которой онъ такъ сильно стремился. Сурхай нашель предложеніе матери совершенно сходнымъ съ его честолюбивыми видами, но сознался, что не можетъ придумать способовъ достичь этой цѣли. Шахъ-Беке взялась отстранить всѣ препоны съ тѣмъ только, чтобы сынъ ея не щадиль своего состоянія на приобрѣтеніе общественнаго расположенія, на которое ни рожденіе, ни природныя качества не давали ему правъ. Наслѣдство Сурхая послѣ отца было значительно: всѣ члены Аварскаго дома были богаты и владѣли несмѣтными сокровищами, прибрѣтенными въ далекихъ странахъ, когда герои-предки ихъ грабили безпощадно въ своихъ воинскихъ поискахъ; сверхъ того они получали богатые подарки отъ Грузинскихъ Царей, которые покупали такимъ образомъ то военное вспомошествованіе, то конецъ опустошеніямъ своихъ предѣловъ. Дары Персидскихъ шаховъ были также непослѣдними украшеніями сокровищницъ, хранившихся въ неприступномъ Хунзакѣ, куда стопа побѣдителя никогда еще не вступала.

Происки и внушенія Шахъ-Беке, дивно поддерживаемые краснорѣчіемъ подарковъ, расточаемыхъ щедрою рукой и съ большимъ умѣніемъ, составили въ Аваріи многочисленную партію, тѣмъ сильнѣйшую, что она состояла изъ Аварскихъ женъ, а какъ бы женскій полъ ни былъ поработченъ общественными законами, все-таки женщины найдуть средства взять свое: если же онѣ не достигнуть дальней цѣли, то отмстятъ, и отмстятъ ужасно.

Когда въ какой либо странѣ рождается партія, она всегда порождаетъ другую, себѣ противную, иначе партіи не могутъ существовать: такъ случилось и въ Аваріи. Подкупленные хвалы и любовь Сурхаемъ пробудили любовь и уваженіе къ добродѣтелямъ и блестящимъ дарованіямъ Султанъ-Ахметъ-Хана; но если партія его была многочисленна, не менѣе того, она была слаба, потому что состояла изъ людей храбрыхъ, безкорыстныхъ, достойныхъ, а подобные люди самонадѣянны, самосознательны въ своихъ достоинствахъ и идутъ къ цѣли путемъ прямымъ, между тѣмъ, какъ противники ихъ находятъ всѣ средства годными, доступными: поэтому честному человѣку труднѣе жить на свѣтѣ, ибо не всякому удастся далеко уйти, чѣмъ бездѣльнику, который тѣмъ или другимъ способомъ непременно достигаетъ цѣли, имъ себѣ предначертанной.

Но обѣ партіи имѣли точку, на которой сходились—это привязанность и уваженіе къ мудрой правительницѣ. Послѣ смерти Умахана,

въ самый годъ ея правленія, урожай былъ необыкновенно хорошъ, и народъ, какъ всѣ азіатцы, видѣлъ въ этомъ залогъ благоволенія Аллаха къ Кистеванъ. Обѣ партіи желали, чтобы ея выборъ палъ на любимца: съ начала это были только разговоры, потомъ пренія, и наконецъ вышло общественное мнѣніе, которое не дозволяло ни отказа, ни отлагательства.

Кистевану предупредили, что чрезъ нѣсколько дней къ ней соберется Аварское духовенство, съ старшинами и людьми почетными умолять ее отъ имени всего народа взять себѣ мужа, и будутъ предлагать Султанъ-Ахметъ-Хана или Сурхая. Хотя правительница сама уже нѣсколько разъ съ пріятностію о томъ помышляла, однако эта вѣсть сильно ее поразила. Таковъ женскій нравъ! Самая мудрая и самая твердая женщина не чужда противорѣчій, обыкновенно управляющихъ ихъ поступками и чувствами—эти противорѣчія происходятъ отъ свойственныхъ имъ нерѣшительности и робости, когда приходитъ часъ исполненія даже самыхъ пламенныхъ ихъ желаній. Кистевана, внушенная своимъ женскимъ нравомъ, въ порывѣ нѣжныхъ, материнскихъ чувствъ къ Паху-Беке, ежедневно разцвѣтавшей душою и сердцемъ, обреклась было на вдовство, чтобы не имѣть другихъ дѣтей, которыя, побужденныя честолюбіемъ, могли быть въ послѣдствіи виновниками смутъ и горестей среди правительственныхъ заботъ, для милой, страстно любимой его дочери. Но теперь дѣлать было нечего. Она поняла, что на Султанъ-Ахметъ-Хана можно положиться, а на Сурхая никогда нельзя, знала, что первый ведетъ строгую, спартанскую жизнь, между тѣмъ, какъ второй расточителенъ и распутенъ подобно аѳинянину; притомъ женскій инстинктъ и воображеніе заставляли ее лицепріятствовать одному болѣе, чѣмъ другому. Оба искателя ея руки были въ цвѣтѣ молодости и нѣсколькими годами моложе ея. Сурхай хотя и былъ пригожъ собою, однако носилъ на себѣ отпечатокъ своего гнуснаго нрава, что дѣлало изъ него совершенную противоположность благородному и мужественному Султанъ-Ахметъ-Хану.

Наконецъ день пріема депутаціи наступилъ. Представители Аварскаго народа должны были предстать передъ правительницей и предложить ей выборъ мужа изъ двухъ соперниковъ. Когда мы вспомнимъ, что Сурхай былъ предложенъ ковомъ Аварскихъ женъ, что онъ былъ пригожъ, расточителенъ и богатъ, что наконецъ женщинѣ предстояло рѣшить этотъ вопросъ, важный для цѣлаго народа—тогда легко отгадать, что Сурхай будетъ предпочтенъ; но на этотъ разъ мы ошибемся и встрѣтимъ рѣдкое исключеніе изъ общаго порядка вещей и женскаго сердца.

Наканунѣ рокового дня по требованію правительницы Султанъ-Ахметъ-Ханъ явился къ ней. Кистемана, выславъ всѣхъ присутствующихъ, спросила, раздѣляетъ ли онъ желанія народа, которыя на слѣдующій день ей будутъ предлагаться? Короткое „раздѣляю“ было его отвѣтомъ.

„Если такъ, Султанъ!“—твердо сказала Кистемана и глаза ея заблестѣли дивнымъ огнемъ, черты лица озарились и приняли видъ вдохновенія—она была чудно хороша. „Такъ знай же, что я на свѣтѣ одну люблю, и одну буду любить! Для одной цѣли живу и желаю жить—это Паху-Беке. Сдѣлавшись моимъ мужемъ, ты будешь мужъ правительницы, но не правитель и не владѣтель. Если Аллахъ даруетъ намъ дѣтей, они никакого права на ханство не будутъ имѣть; одна наслѣдница—это дочь моя! Но знаю, что ковы и заговоры могутъ низложить самыя справедливыя права; ты одинъ можешь быть опасенъ для Паху-Беке. Не стану грозить тебѣ своей властію, кинжаломъ, убійцами, которыми владѣю; для подтвержденія моихъ словъ могла бы напомнить объ участи Гебека... но нѣтъ, ты слишкомъ благороденъ чтобы съ тобою говорить подобнымъ языкомъ! Я требую отъ тебя только слова, что всегда и во всемъ ты будешь ревностный и добросовѣстный защитникъ Паху-Беке и ея правъ.“

Султанъ-Ахметъ-Ханъ, подъ видомъ суровости, старался скрыть тревоженіе пылкихъ чувствъ азіатца, взволнованныхъ высокимъ духомъ Кистеманы, ея сильной любовью къ дочери и лестью рѣчей; наконецъ инстинктъ человѣка въ немъ не дремалъ при видѣ прелестей изящнаго созданія, сидѣвшаго передъ нимъ на бархатныхъ коврахъ съ роскошно поджатыми ножками, которыхъ кончики плутовски выглядывали изъ подъ шелковыхъ тканей ея одежды; кончики лукаво манившіе желаніе видѣть болѣе... и все это безъ сознанія самой женщины, которая будучи подъ вліяніемъ своего высокаго духа во все не помышляла о тѣлѣ, не чувствовала своей плоти. Немного погодя Султанъ-Ахметъ-Ханъ нахмурилъ брови и смотря на нее изподлобья сказалъ твердымъ голосомъ: „Даю тебѣ, Ханша, слово, котораго отъ меня желаешь!“

Черты правительницы просіяли неизъяснимою радостію, подъ вліяніемъ этого чувства она возразила: „узнаю въ тебѣ чистую, благородную кровь князей Аварскихъ! Но требую еще одного и послѣдняго обѣщанія: ты будешь покровителемъ Паху-Беке? чтобы болѣе связать тебя съ этою обязанностію и вознаградить за твои добродѣтели, я хочу отъ тебя обѣта, что когда дочь моя достигнетъ возраста

замужества, ты со мною разведешься и женишься на ней. Она обѣщаетъ быть красавицей, умна и добронравна; кажется, съ моей стороны не жестоко требовать, чтобъ ты съ такою женой принялъ и Ханское достоинство?"

—Этого не будетъ!—отвѣчалъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ.

„Увы! горька моя участь...“—сказала Кистемана въ глубокой тоскѣ. „Сурхай вѣрно согласится; надо себя преодолѣть и его выбрать въ мужа.“

Султанъ-Ахметъ-Ханъ дрогнулъ. Ревность, буйная ревность, извѣстила его о страсти, которой онъ въ себѣ и не подозрѣвалъ. Внущеніемъ ея, у него сорвалось съ языка: „Время придетъ, увидимъ!“

Умная Кистемана, пользуясь благопріятной минутой, быстро спросила: „Согласенъ ли ты, князь, жениться на Паху-Беке? Отвѣчай.“

Юноша нехотя и глухо отвѣчалъ: „Да!“

Лицо правительницы блеснуло опять радостію: она была прелестна какъ сама надежда, ее волновавшая. Вдова съ жаромъ прибавила: „Дай же мнѣ въ этомъ слово, благородный мужъ!“

Султанъ-Ахметъ-Ханъ вскочилъ съ мѣста и почти выбѣгая, полный смуты, сказалъ:—Даю слово, когда придетъ время, разсмотрѣть: возможно ли будетъ мнѣ исполнить твое требованіе и жениться на Паху-Беке.—

Кистемана оставшись одна, улыбнулась лукаво, улыбкою женщины, довольной собою, что выхитрила свою волю, и молвила про себя: „О, храбрый и благородный Султанъ! Хотя самъ не знаешь, но ты далъ мнѣ слово жениться на Паху-Беке, а исполнить его—я въ томъ даю тебѣ слово, слово мое, слово женщины!“ Потомъ въ тоскѣ душевной, она захотѣла видѣть дочь, для счастья и величія которой только что призывала всѣ фаланги женскихъ соблазновъ: она приказала привести ее къ себѣ.

Милый, прекрасный ребенокъ вбѣжалъ, бросился на колѣни матери и сталъ играть ея черными, тоненькими и многочисленными косами, роскошно стлавшимися по лебяжьей груди вдовы. Кистемана еще подъ вліяніемъ душевнаго волненія въ истомѣ чувствъ, крѣпко обняла дитя и сказала: „Милая Паху-Беке! я счастлива теперь, цѣль моей жизни, моихъ желаній достигнута! Я устроила твою будущность! Цвѣти, милое созданіе!...“ и поцѣловавъ ее прибавила: „завтра, я

буду говорить, что желанія и счастье управляемаго мною народа есть одна цѣль моей жизни, моихъ заботъ и помышлений, потребность моего сердца—и все это будетъ ложь: да проститъ меня Аллахъ!“ Разумѣется, ребенокъ не понималъ этого говора страстей; иначе и мать, вѣроятно, не рѣшилась бы на такую откровенность съ дочерью; по крайней мѣрѣ, основываясь на такъ называемомъ *нашемъ просвѣщеніи*, это полагать должно.

На слѣдующій день въ кунакской (приемной комнатѣ) Хунзакскаго двора собралась народная депутація, впереди которой шелъ маститый Эфенди (первосвященникъ), со всѣмъ духовенствомъ. Когда всѣ были въ сборѣ, тогда дали знать правительницѣ, соблюдая во всемъ самый строгій, азіатскій этикетъ. Хотя она сидѣла спокойно, совсѣмъ уже готовая, чтобы выйти при первомъ извѣстіи; но старухи Аварскаго двора ее остановили, замѣтивъ, что для большей важности, она должна заставить себя ждать. Кистемана язвительно улыбулась, однако послѣдовала совѣту, постигая и цѣня всю его мудрость.

Вокругъ кунакской толпился многочисленный народъ, который вездѣ одинаковъ и всегда привлекаемъ зрѣлищами или происшествіями, выходящими изъ обыкновенной колеи. Эти толпы, пришедшія нынѣ зрѣть, какъ правительница пройдетъ въ кунакскую, чрезъ нѣсколько дней, съ тою же безчувственностію, соберутся на брачныя празднества, смотрѣть какъ Ахтинскій *пеклеванъ* (акробатъ), одѣтый пальясомъ, будетъ плясать на канатѣ, на которомъ послѣ, въ доказательство своего артистскаго искусства, будетъ рѣзать, соблюдая всѣ правила, предписанныя кораномъ, 23 барановъ, потребныхъ для кухни новобрачныхъ.¹⁾ Но, виноватъ, послѣднее зрѣлище для него несравненно пріятнѣе, ибо оно кровавое, а что можетъ быть для толпы благовиднѣе, благоуханнѣе крови!!

Въ кунакской, по двумъ продолжнымъ стѣнамъ и одной поперечной, примыкавшей къ наружному выходу, сидѣла многочисленная депутація на коврахъ, поджавъ подъ себя ноги, съ неподражаемою важностію мусульманъ.

Кунакская была длинная комната безъ всякихъ украшеній: потолокъ ея поддерживался двумя вальжными дубовыми столбами, побурѣвшими отъ древности и находящимися по срединѣ. Два большіе окна безъ рамъ освѣщали этотъ покой; на ночь и въ ненастье створчатые

---

¹⁾ Кавказскіе акробаты (пеклеваны) дѣйствительно это дѣлаютъ: самые искусные изъ нихъ въ Ахтинскомъ племени.

крѣпкіе дубовые ставни снару замыкали эти отверстія; наконецъ каминъ и одна дверь довершала принадлежность кунакской. У поперечной стѣны, никѣмъ не занятой, стояло высокое, вальжное кресло, безъ дна, съ квадратную сажень объема, изъ дубоваго дерева, закопченное временемъ. На немъ рѣзчикъ и токарь истожили все свое искусство, цѣнимое въ ту пору очень высоко, но грубое и аляповатое для глазъ современника, привыкшаго къ инымъ размѣрамъ и изображеніямъ. Это было сѣдалище Аварскихъ хановъ, освященное властію вѣковъ.

На полу, посреди бездоннаго кресла, были настланы въ нѣсколько рядовъ тюфяки, покрытые богатымъ, шелковымъ ковромъ, на которомъ съ трехъ сторонъ были положены мягкія, пуховыя, круглыя и четверугольныя подушки въ парчевыхъ наволокахъ. Это мѣсто было теперь приготовлено для Кистеманы; хотя санъ правительницы не давалъ ей права на него, но званіе вдовы владѣльнаго хана, а еще болѣе любовь народа, предвзначила ей единогласно сѣсть на ханское сѣдалище въ этотъ торжественный день—самая высокая почеть, извѣстная и постигаемая Аварцами!

Когда прошло время, необходимое для сохраненія важности, дверь терема отворилась и открылось шествіе въ кунакскую. Впереди шелъ статный аварецъ, съ звѣрскимъ взглядомъ: онъ несъ на плечѣ сѣкиру-азіатскій жезлъ, признакъ власти; за нимъ слѣдовалъ такъ называемый казакъ¹⁾, богато одѣтый и несшій на правомъ плечѣ заряженное ханское ружье, тщательно вычищенное и разукрашенное золотомъ и драгоценными камнями; шагахъ въ четырехъ шла Кистемана, закрытая съ головы до ногъ бѣлою перкалевою чадрой²⁾, которую она поддерживала руками вокругъ лица: прекрасные, большіе, черные глаза, обрамленные ослѣпительной бѣлизны покрываломъ, проглядывали одни наружу и потому самому казались еще чернѣе, и блестящѣе! Обутыя въ распещренныя шерстяныя персидскія карпетки, ея крошечныя ножки скрывались въ туфляхъ на высокихъ каблукахъ.³⁾ Она шла медленно, важно, переваливаясь съ боку на бокъ, по милости неловкой обуви.

1) *Казакъ* или оруженосецъ у Дагестанскихъ властелиновъ есть крѣпостной чело-вѣкъ хана, который носитъ его оружіе—эти люди изъ самыхъ приближенныхъ къ владѣтелю. Жители Кавказа имѣютъ всегда ружья въ чехлахъ за плечами: передъ одними ханами обнаженное и заряженное ружье хана несетъ или везетъ казакъ на правомъ плечѣ, держа прикладъ въ рукѣ.

2) *Чадра*, огромная простыня, въ которую всѣ магометанки и придерживающіяся старинны Армянки и Грузинки совершенно обертываются до самихъ глазъ, когда выходить изъ дому.

3) Въ Дагестанѣ женщины носятъ маленькія туфли на одномъ каблукѣ.

За нею шагахъ въ двухъ были четыре почетныя женщины въ одинаковомъ съ нею одѣяніи; только онѣ не скрывали своихъ лицъ въ чардахъ, потому что, переживъ года старости, ихъ сѣдина и морщины не могли болѣе соблазнять пылкость правовѣрныхъ, которые, вѣроятно, не только не всматривались въ безобразныя лица старыхъ азіятокъ, но скорѣе отворачивались; одна изъ нихъ даже не имѣла вовсе чарды, потому что была старая вдова. Съ обѣихъ сторонъ Кистеманы шло по три вооруженныхъ *нокюра*¹⁾, державшіе въ рукахъ заряженныя ружья на перевѣсъ съ возведенными курками; сзади находилось шесть человѣкъ съ обнаженными шашками.

---

¹⁾ *Нокюръ*—товарищъ. У азятцевъ въ походахъ никто не называется начальникомъ или подчиненнымъ: всѣ *нокюры* или товарищи.